

*Наталья Ананьева**

НЕКОТОРЫЕ НАЗВАНИЯ ВНЕБРАЧНОГО РЕБЕНКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

THE NOMENCLATURE OF NATURAL CHILDREN IN RUSSIAN

In this article definitions of natural children in Russian and models of the nomenclature of the classes of natural children in Russian dialects are analyzed. These dialect words are used in such contexts by Russian writers in their works.

Keywords: bastard, anthroponym, appellative, Russian

Wyrazy kluczowe: nieślubne dziecko, antroponim, rzeczownik popolity, język rosyjski

Появление на свет внебрачного ребенка – как в дворянско-помещичьей, так и в крестьянской среде – считалось явлением аморальным, греховным и подвергалось общественному осуждению.

Особые способы номинирования незаконнорожденного ребенка представлены не только специфической апеллятивной лексикой (особенно богатой в диалектном языке), но и в ономастическом (антропонимическом) пространстве русского языка.

Внебрачный ребенок, в том числе и рожденный от отца дворянина (вплоть до самого влиятельного в государстве человека – монарха Российской империи), как правило, не унаследовал фамилию отца. Фамилия внебрачного ребенка могла образовываться следующими способами:

1. Модификация фамилии родителя, например, путем отбрасывания первого слога этой фамилии. Так, в частности, возникла фамилия видного

* Кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 119992 Москва, Россия; e-mail: ananewa.46@mail.ru.

сановника XVIII в., личного секретаря Екатерины II, впоследствии президента Императорской Академии художеств и инициатора создания Смольного института и Воспитательного дома Ивана Ивановича *Бецкого* – внебрачного сына генерал-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича *Трубецкого* и неизвестной по имени шведской баронессы из рода Вреде. Бастарды от связи Екатерины II с Григорием *Потемкиным* имели фамилию *Темкины*.

2. Образование от имени отца. Так, внебрачные дети дяди Александра Сергеевича Пушкина, известного литератора *Василия Львовича Пушкина*, носили фамилию *Васильевы*.

3. Оттопонимическое образование. Так, например, фамилия незаконнорожденного сына Екатерины II и Григория Орлова Алексея Григорьевича *Бобринского*, положившего начало роду графов Бобринских, происходит от названия села *Бобрики* (оно же Спасское), которое было пожаловано царицей своему внебрачному ребенку. На незаконнорожденное происхождение родоначальника графов Бобринских намекает Михаил Юрьевич Лермонтов в стихотворении *Смерть поэта*, в котором под „надменными потомками, известными подлостью прославленных отцов” и „жадной толпой стоящими у трона”, имеются в виду наряду с графами Орловыми, Воронцовыми, Завадовскими и др. также графы Бобринские.

4. Вымышленная фамилия. Таков, например, случай с Александром Ивановичем *Герценом* – внебрачным сыном помещика Ивана Алексеевича Яковлева и немки Генриетты-Вильгельмины-Луизы Гааг, фамилия которого была придумана отцом от немецкого слова *Herz* (выбор языка-источника объясняется немецким происхождением матери) и означает ‘сын сердца’.

5. Фамилия, произведенная от имени предка матери. Так произошло с внебрачными детьми Александра II от княжны Екатерины Михайловны Долгорукой (или Долгоруковой), трое детей которой (Георг, Ольга и Екатерина) получили фамилию *Юрьевские* от имени предка княжны *Юрия Долгорукого*. Сама княжна получила титул княгини Юрьевской только после заключения брака с Александром II после кончины императрицы Марии Александровны [Долгорукова, 2017].

6. Наделение незаконнорожденного фамилией другого человека (крестного отца, крепостного). Так, будущий создатель романтической поэтической школы и воспитатель Александра II Василий Андреевич Жуковский, который был внебрачным сыном помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи (в крещении Елизаветы Дементьевны Турчаниновой), получил свои фамилию и отчество от крестного отца *Андрея Григорьевича Жуковского*. Любопытно, что звучащая на польский манер

фамилия позволила записать ребенка в польский полк (в целях получения звания дворянина, что даже в XIX в. было для бастардов делом непростым).

Ученый-химик и композитор Александр Порфирьевич *Бородин*, являясь незаконнорожденным сыном грузинского князя Луки Степановича Гедианова, был записан как сын крепостного слуги князя *Порфирия* Ивановича *Бородина*. Как и Жуковский, Бородин получил и отчество своего мнимого отца.

7. Наделение бастарда материнской фамилией. Так например, сын, родившийся от связи Льва Николаевича Толстого (до его брака с Софьей Андреевной Берс) с крестьянкой Аксиной Базыкиной (драматически описанной в рассказе *Дьявол*), имел фамилию матери – Тимофей *Базыкин*, хотя в Ясной Поляне его прозывали обычно „*Аниканкин*”. Другой пример – подлинная фамилия известного писателя Корнея Ивановича Чуковского – незаконнорожденного сына Эмануила Соломоновича Левенсона и Екатерины Осиповны *Корнейчуковой*. Свой псевдоним Николай *Корнейчуков* создал путем трансформации фамилии Корнейчуков в биним Корней Чуковский. Дети же К. Чуковского – литераторы Николай Чуковский и Лидия Чуковская – сохраняли псевдоним отца как свои подлинные фамилии.

Об обычае давать внебрачному ребенку фамилию матери, а отчество по крестному отцу или отчеству матери пишут участники форума „Генеалогический форум ВГД. Незаконнорожденный и его фамилия” (forum.vgd.ru). Одна из участниц форума (rustik 4) пишет: „Если не было присвоено отчество по крестному отцу, то писали без отчества – например, Иван незаконнорожденный Алексеев (мать – Алексеева) [...] иногда отчество писали по отчеству матери, т.е. от имени деда, отца матери. При выдаче документов советской властью отчество и фамилию могли изменить со слов”. Другой участник форума замечает: „У моих трое детей носили отчество по крестному отцу старшего ребенка, а фамилия была материнской, фактически их фамилией стало отчество матери”. Участники форума приводят также примеры наделения внебрачного ребенка отчеством или фамилией, образованными от имени матери („Она – *Ксения*. Сын стал *Ксенофонов*” – 24 окт. 2014 г.). Возможно, что часть исторических матронимов (типа *Аннушкин*, *Дунькин*, *Матренин*) мотивирована ситуациями подобного рода.

О том, что внебрачный характер появления ребенка на свет маркируется на антропонимическом уровне, свидетельствуют факты наречения такого младенца особыми именами, на что указывает Г.И. Кабакова [Кабакова, 2009, с. 414]: либо это „непрестижные” имена (*Аркадий*, *Сусос*, *Тит*, *Софрон*,

Мартин, Лукьян для мальчика, *Мокрена, Хувра, Докейда, Катерина* для девочки), либо имена первых людей (*Адам* или *Ева*). О необычных именах новорожденных бастардов сообщают также участники вышеуказанного форума: „Имена незаконнорожденным давали довольно необычные. Долго не мог привыкнуть к «*Экзакустодиану* незаконнорожденному Лялюшкину»” (6 окт. 2014 г.).

Чрезвычайное многообразие характеризует апеллятивные номинации внебрачного ребенка в славянских диалектах, в том числе русских. Если в литературном русском языке это словосочетание слов „ребенок” („дитя”) с прилагательными „незаконнорожденный”, „внебрачный” или заимствование „*бастард*” (первоначально употреблялось по отношению к внебрачным детям аристократов), то в просторечии и диалектном языке таких номинаций, имеющих разнообразную мотивацию, очень много. Довольно значительный материал по славянским языкам (в том числе русским диалектам) представлен в уже цитированной словарной статье Г.И. Кабаковой *Ребенок внебрачный* в четвертом томе этнолингвистического словаря *Славянские древности* [Кабакова, 2009, с. 414–415]. Примеры русских диалектных номинаций незаконнорожденного приведены также в статье И.В. Поповичевой, посвященной лексической группе „Ребенок в русском диалектном языке” [Поповичева, 2013]. Однако использованные данными авторами примеры (как русские, так и из других славянских языков) не носят исчерпывающего характера. Поэтому, обращаясь к текстам этих работ, мы дополним их материал отсутствующими в них номинациями, почерпнутыми из диалектных словарей русского языка, а также из Картотеки архангельских говоров, хранящейся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Значительное число диалектных апеллятивов, номинирующих внебрачного ребенка, образовано от названия места „предполагаемого зачатия или рождения” ребенка [Кабакова, 2009, с. 414]. Большинство этих номинаций образовано от объектов, находящихся вне дома: на улице, на природе. Г.И. Кабакова приводит следующие примеры: в-слав.¹ *крапивник*, москов. *крапивный*, *жигальник* (от *жигала* „крапива”), с-рус., ю-рус. *заугол*, *заугольи*, *заугольник*, архангел. *пауголок*, яросл. *подкрылечник*, *подкустарничек*, *подпечник* (объект находится в доме, но место – под печью – не является обычным местом зачатия), *соломеница*, сибир. *подстожник*, *подогородник*, курс. *луговой*, петербург. *подъельняжник*, казан. *боровичок*, дон. *подтын-*

¹ Здесь и далее сохраняются сокращения названий ареалов распространения диалектных лексем, используемые авторами источников.

ник, простореч. *подзаборник*, витеб. *конопельник* [Кабакова, 2009, с. 414]. К указанным лексемам можно добавить архангел. *заворóтышек* [АОС, 1999, с. 5], уменьшит. *крапíвничек* Тверск. [СРНГ15, 1979, с. 169], феминатив *крапивница* (о внебрачном ребенке-девочке) Вят., 1892, Свердлов., Ср. Урал. (ср. „Вот говорят ребенок, а все равно, мальчик или девочка, так и *крапивник*, а *крапивница* только девочка”). Моск.) [СРНГ15, 1979, с. 169]); ср. также „Взамуж не выходила, *крапивницу* прижила, но девка выросла – золото, мало что *крапивница*”. Республика Тыва, Пий-Хемский район [СРГС 2, 2001, с. 144]. Ср. также рязанские фонетические варианты *кряпивник*, *кряпивница*, *кряпивный* [СРНГ15, 1979, с. 369], префиксальные *закрапивник* – Смол. [Поповичева, 2013] и *подкрапивник*, *капустничек*.

Контексты, приводимые для *крапивника* и других производных от названия этого растения образований, свидетельствуют об эвфемистическом употреблении глаголов *найти*, *добыть* в значении ‘зачать, родить внебрачного ребенка’ (ср. нижеприведенные лексемы, непосредственно мотивированные глаголом *найти*): „он незаконный, мужа нет, говорят *нашла она его в крапиве*, так и называют *крапивником*” [СРНГ15, 1979, с. 169]; ‘Будешь без мужа жить и наживаешь себе ребенка. *Кряпивник, в крапиве добыла*” [СРНГ15, 1979, с. 369]: „Знаем, что *крапивника в крапиве нашла, без мужа*” – Таштыпский район Республики Хакасия [СРГС 2, 2001, с. 144]. А. Брюкнер для польского диалектного аналога *pokrzywnik* рассматривает иную мотивацию, отмечая, что возникновение лексемы связано не с тем, „*że w «pokrzywach spółdżony»*, со *byłoby gustem osobliwym, lecz dla przesađu, że kobieta po akcie mokrzyca na pokrzywy płodu pozbędzie*” [Brückner, 1970, s. 23–24]. К приведенным образованиям от лексемы *угол* добавляется архангельское *зауголок* (а не только *пауголок*) [АОС 10, 1999, с. 5]. Мотивация лексем *заугольник* и *заугольница* ‘девушка, гуляющая с молодыми людьми’ представлена в следующем комментарии диалектоносителя: „*За углами-то л’убу́жуца*, дак скажут: виш *зау́гол’ниц’и*. *За углами фс’о л’убу́жуца*” [Картотека арх. г.].

Идея „нахождения” внебрачного дитяти отражена в многочисленных лексемах, мотивированных глаголом *найти*: *на́йда* Дон., *найде́н* Смол., *найде́нок* Сурж. Курс. [Поповичева, 2013], *найдак*, *найдена*, *находка* (ср. польск. диал. *znajduch, znajdek, znalezieniec, znajdor, znalezione*) [Кабакова, 2009, с. 414], ср. также словац. *nájdencas, najdúch (nájdené diet’a)*. Однако „найденыш” – это не всегда (хотя и чаще всего) – незаконнорожденный. Его могли украсть у родителей и подбросить. Ср. в связи с этим русский и польский переводы названия романа Генри Филдинга *The History of Tom Jones, a Foundling*:

История Тома Джонса, найденыша и Historia życia Toma Jonesa, czyli dzieje podrzutka.

На неправильный характер „ложа”, на котором был зачат незаконно-рожденный, указывает заимствование из немецкого языка *банкарт*, отмеченное в Йонавском районе Литовской ССР [СРНГ 2, 1966, с. 94]. Этот же пример, почерпнутый из СРНГ, приводит И.В. Поповичева [Поповичева, 2013], А. Брюкнер возводит польск. *bękart* (которое в русских говорах на территории Литвы послужило непосредственным источником генетического германизма) к *Bankhart, Bankart*, образованному от *Bank* ‘лавка’ (противопоставленному супружескому ложу) по типу имен на *-hart, -art* [Brückner, 1970, с. 24]. Ср. то же с *p* в чешском и словацком (*panhart, pankhart*) и словенском (*pankrt*). Форма *букарт* зафиксирована в украинском. А. Брюкнер относит к заимствованным номинациям внебрачного ребенка в польском языке, кроме *bękart*, также *bęś, bastard, baster, bastrzak* [Brückner, 1970, с. 23–24]. Соответственно, укр. *байцтрук, байцтря*, русск. диал. *баструк, бастрок, бастрык*, польск. *bastrzak* представляют собой адаптировавшиеся в славянских языках генетические заимствования, при этом для лексемы *bastard* А. Брюкнер предполагает кельтское происхождение. Под вопросом стоит германское происхождение малопольско-силезского *bąk* в значении ‘внебрачный ребенок’ („czy i *bąk* o ‘nieślubnem dziecku’ od *bękarta* poszło?” – пишет А. Брюкнер [Там же]). Форму *bęś* (имен. мн. ч. *bęsiowie*) мы встречаем у В. Потоцкого, а уменьшит. *bękarcie, -cięcia* у П. Скарги [Reczek, 1968, с. 18]. Употребление генетически заимствованных лексем в значении ‘незаконнорожденный ребенок’, особенно в случае длительного взаимодействия языка-реципиента и языка-донора, довольно часто представлено в славянских языках. Ср. в болгарском: грецизм *лефтѣрче*, родопский унгаризм *пурдѣтя* и даже общеполгарское *кѣпеле* (с его многочисленными диалектными вариантами), как и сербское и хорватское *копиле*, для которых предполагается иноязычное происхождение². Что касается малопольско-силезской лексемы *bąk* (фонетически *буŋк*), то можно предположить вторичное осмысление ее как метафорически употребляемой номинации насекомого (*bąk* – овод, слепень), особенно если учесть зафиксированный нами в д. Вершина Боханского района Иркутской области, диалектоносители которой переселились более 100 лет тому назад с территории Домбровского угольного бассейна, следующий контекст употребления слова *буŋк* ‘внебрачный ребенок’: *буŋка se nal’otala*. Ср. русск. *залететь* ‘помимо желания за-

² Подробнее о разных этимологиях [Китанова, 2015, с. 31–52].

беременеть’, *залет* ‘нежелательная беременность’. Иначе говоря, мы можем здесь сделать предположение о метафорическом использовании „зооморфного кода” (название насекомого) для реализации определённого культурного кода (в данном случае номинаций незаконнорожденного) [Китанова, 2015]. О важности фитонимического кода (о котором тоже пишет М. Китанова) в названиях ‘внебрачного ребенка’ свидетельствуют вышеприведенные лексемы типа русск. (*под*)*крапивник*, *крапивница*, *боровичок*, *конопельник*, *луговой*, *капустничек*, польск. *pokrzywnik*, а также, например, болгарские лексемы типа *шумник* (от *шума* ‘лес’) или *базелачко* (от названия бузины) [Китанова, 2015, с. 31–52]. Говоря о типологии номинаций внебрачного ребенка в славянских языках, предполагаем такую связь между др-польск. *wyleganiec* (представленным, например, в *Библии королевы Зофы*: „Nie wnidzie wyleganiec jenże jest s sprosnej niewiasty urodzon” [Reczek, 1968, с. 58]) и болгарским банатским *изходно* ‘внебрачный ребенок’. Оба слова мотивированы понятием ‘выход’ (ср. *изход* ‘ворота для выхода’, ‘восток’, староболг. *исходъ* ‘выход’, польск. *wylegać* ‘выходить (о толпе), высыпать’). Впрочем, возможно, что наше предположение нуждается в корректировке.

Ни у Г.И. Кабаковой, ни у И.В. Поповичевой не отмечены такие распространенные в русских диалектах названия внебрачного ребенка, как *сколѳток*, *осколѳток*, *сколѳтний*, *сколѳтяга*, *сколѳтыши* или сибир. *сураз*, *суразѳнок*. У В. Даля отмечены: *сколѳток*, пригульный, незаконный, небрачный сын, *сколотное* дитя, *сколѳток* или *сколѳтыши* архангел. бран. небрачно рожденный [Даль IV, 1955, с. 201]. Ср.: ребята-те *сколѳтыши* у ней [Картотека арх. г.]. *Осколѳток* и уменьшит. *осколѳточек* как внебрачный ребенок отмечено в СРНГ также с пометой Арх. [СРНГ 24, 1989, с. 13]. Значение ‘внебрачный ребенок’ развилось здесь на базе семантики ‘отколовшийся, осколок’, что типологически соотносится, например, с болгарскими номинациями *кѳпеле*, *кѳпелѳк*, *кѳпеля*, *кѳпелча* и *пич*, обозначающими как внебрачного ребенка, так и ‘отросток’, ‘боковой или новый побег на кукурузе’ (подробнее [Китанова, 2015, с. 31–52]). Связь значения ‘отростка, побега растения’ с номинацией ребенка ярко прослеживается в русских диалектных словах *отродье* ‘отросток, побег растения’ и *отросток*, *отрастелок*, *отростель* ‘потомок, дитя’. Одновременно значение ‘отход, отпад от основной линии развития’ („отросток”, „осколок”) пересекается с выделенным Г.И. Кабаковой для ряда названий незаконнорожденного ребенка значением

‘не имеющий правильной генеалогии’: русск. *выродок*³, сибир. *половинкин сын*, яросл. *коектыч*, *коектовый*, смолен. *безбатешкин*, русск. диал. *мирской*, *мирён*, сибир. *девочий*, смолен *девкин*, кубан. *девчачий* [Кабакова, 2009, с. 414] (ср. чешск. *levoboček*, польск. *panieński przychówek*). Сюда же относятся: *семибатечный*, *семибатечник*, *семибатьковицина*, *семибатькович* [ср. Даль IV, 1955, с. 270], *безотцовщина* (ср. прозвище персонажа В. Шукшина: *Васька-безотцовщина* [Шукшин, 2005, с. 442]). Сибир. *сурáz* также отмечено у В. Даля: *сурáz* сиб. небрачно рожденный [Даль IV, 1955, с. 362]. Ср. также *суразёнок* – „это без отца родится у бабы дитё, и *крапивник* – то же самое” (Новосибирский район Новосибирской области, Коченёвский район Новосибирской области) [СРГС 2, 2001, с. 144]; „*Суразёнок* – это без отца ребенок, незаконнорожденный ребенок” (с. Нагибово Октябрьского района Хабаровского края) [СРГП, 1983, с. 292]. Номинация мотивирована значением ‘дурной случай, огорчение’ (ср. наличие у *сурáz* также значения ‘бедовый случай, удар, огорчение’. *Сурáz за сурázом* беда по беде [Даль IV, 1955, с. 362]. Ср. рассказ В. Шукшина *Сураз*, где главный герой Спирыка (Спиридон) Расторгуев так повествует о своем происхождении учительской чете Зеленецких:

- Я – *сураз*, – начал он.
- Как это? – не поняла Ирина Николаевна.
- Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожи по краю ездил собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил.
- Вы знаете его?
- Ни разу не видал. Как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу. Наверно, вышку навели. Ну, и стал я, значит, жить-поживать... [Шукшин, 2005, с. 91].

В тексте обращают на себя внимание иронически употребленные глагол *заготовить* и существительное *заготовитель*, которые демонстрируют мотивацию еще одного русского диалектного названия внебрачного ребенка – *готóвец*, *готóвыш* (отмечено, в частности, в архангельских говорах [Картотека арх. гов.]). Ср.: „Уш как йёсьли она́ придёт з *готóвышэм*, не любят” [АОС 10, 1999, с. 5].

В сибирских русских говорах, наряду с отмеченным в СРНГ *кувяка* ‘новорожденный, младенец’, зафиксирована отсутствующая как в СРНГ,

³ В некоторых русских говорах для данной лексемы фиксируется иное значение, например, ‘потомок’. „Сейчас остались одне *выродки*, коренные вымерли” [СРГП, 1983, с. 33], словосочетание „*чистый выродок*” в этих же говорах означает ‘не смешанной породы, чистой крови’ (о животных) [Там же].

так и у Г.И. Кабаковой и И.В. Поповичевой, по всей видимости, родственная лексема *кувяка* номинация *кувь*, обозначающая внебрачного ребенка: „А вот сестра ее гуляла, да и принесла *кувя*”. Тарский район и Омский район Омской области [СРГС 2, 2001, с. 168].

Возможно, что лексема *обыдѣнный* ‘внебрачный ребенок’ (Калуж., „Выдет замуж и родила, путем не выдет и уж родила, вот и *обыдѣнные дети*” Ряз. [СРНГ 22, 1987, с. 285]) соотносится не только с выделенным Г.И. Кабаковой значением ‘слишком быстрого’ рождения ребенка [Кабакова, 2009, с. 414], но и со значением ‘случайный характер рождения’ (ср. одно из диалектных значений прилагательного *обыденный* – ‘случайный’ [Там же]). На незаконный (без свадьбы) характер рождения бастарда указывают карел. *беззаконный*, смолен. *беззаконник* [Кабакова, 2009, с. 414]. (Ср. соответствующие лексеммы в литературных славянских языках: чешск. *nemanželský*, словенск. *nezakonski*, макед. *вонбрачно* дете, серб. *вѣнбрѣчно* дете, словацк. *diet'a mimo manželstva*, *nelegetimne diet'a*, русск. *внебрачный* ребенок, *незаконнорожденный* ребенок).

Значительное число русских диалектных и просторечных лексем приводится Г.И. Кабаковой в качестве мотивированных „неблаговидным поведением матери”: *выблядок*, *пригульный*, *пригулыш*, *пригульник*, *нагуленный*, *нагульный*, *нагулыш*, *жировой*, *жировик*, *похотень*, *выпороток*, смолен. *выпузок*, саратов. *конфеточник*, псков. *блудник*, *выделок* [Кабакова, 2009, с. 414]. Этот список можно дополнить многочисленными префиксально-суффиксальными образованиями от корней *-блюд-*, *-блуд-*, *-бляд-*. Например: *ублюдѣнь*, *ублюдок*, *вѣблюдок* (ср. *Выблюдок* – ешѣ говорят *заугольник*, незаконнорожденный ребенок с. Алексеевка Шимановского района Амурской области; Вот *выблюдка* родила – сраму не оберешься с. Казакевичево Хабаровского района Хабаровского края [Словарь р. г. Приамурья, 1983, с. 49], *приблудыш* (ср. *приблудиться* – вступить в любовные отношения) [СРНГ 31, 1997, с. 115]. Ср. также волог. лексему *приѣбыш*, образованную от обценного глагольного корня *-ѣб-* (сообщено Ж.Ж. Варбот).

Вероятно, характером поведения матери мотивирована также лексема *нахалѣнок* (ср. *Нахалѣнок*. Внебрачный ребенок. Дон., 1929 [СРНГ 20, 1985, с. 255]). Ср. рассказ М.А. Шолохова *Нахалѣнок*, главный герой которого Мишка родился вне брака (как говорит его приятель Витька, „тебя мать *под забором* родила” – готовая мотивация вышеприведенного просторечного *подзаборник*): „Девкой родила его мать. Хотя через месяц и обвенчалась с пастухом Фомою, от которого прижила дитя, но прозвище «*нахаленок*» язвой прилипло к Мишке, осталось на всю жизнь за ним” [Шолохов, 1981].

Г.И. Кабакова приводит также единичный пример номинации бастарда, мотивированный тем обстоятельством, что его принесли птицы (русск. москов. *журавый*) [Кабакова, 2009, с. 414], ср. повсеместное представление о том, что детей приносят аисты), а также две лексемы, соотносящиеся с „сыростью”: псков. *сырометный* и *сыромолотый* [Кабакова, 2009, с. 414].

Обозначая порицаемое в обществе явление, многие номинации внебрачного ребенка могут употребляться во вторичной функции: в качестве ругательств. Не случайно ряд этих слов имеют соответствующую стилистическую помету – бран. (= бранное). При этом в качестве бранной эта лексема может десемантизироваться, т.е. относиться к любому (а не обязательно незаконнорожденному) человеку (ср. такие частотные ругательства, как *ублюдок*, *выродок* и др.). Подобная десемантизация произошла в русск. *сукин сын* (польск. композит *sukinsyn*), исторически тоже обозначавшем ‘незаконнорожденного’ (ср. сука – ‘проститутка’ [Фасмер, 1986, с. 424]), которое употребляется, как правило, только как ругательство (иногда с оттенком определенного восхищения или удивления, ср. известное высказывание А.С. Пушкина по отношению к себе после завершения работы над Борисом Годуновым в письме П.А. Вяземскому⁴). Такого же происхождения польск. вульгаризмы *kurwysyn*, *skurwysyn* (от *kurwa* ‘проститутка, распутница’). Ср. болг. *курванче* – (*скурвен*) от слав. *кърва* [Китанова, 2015, с. 31–52].

Однако имеется и некоторое количество номинаций внебрачного ребенка мелиоративного характера. Кроме ‘богоданности’, соотносящейся с именем Богдан (псков. *богдан*, *бог(о)дановец*, *бог(о)данович*, *богданёнок*, смолен. *богданчик*, *богданов* ребенок [Кабакова, 2009, с. 414] – ср. также псков. *богоданёнок*, *богоданное* дитя [СРНГ 3, 1968, с. 49]), это также современное архангельское *любимчик*. Ср.: тепер’-то говор’ат л’уб’имц’ики; Л’уб’имцика зд’елала, девоц’ку, Нын’це сколотным не зовут, л’уб’имц’иком зовут; девоц’ка јес’ у јей, л’убимц’ика тоже з’д’елала [Картотека арх. г.]. Ср. типологическую соотнесенность с англ. *lovechild*. Такая замена мелиоративом старого *сколотяги* (*сколотника*, *сколотного*), свидетельствует о более толерантном взгляде на явление рождения ребенка вне брака. Тем не менее в тех же архангельских говорах отмечается еще одна лексема, обозначающая бастарда, с корнем *люб-* – *любоделанный*: Дақ, вет’ он у јей л’убод’еланный, любоделать – сколотно, л’убод’елано [Картотека арх. г.]. Несмотря на мелиоративный характер корня *люб-*, лексема соот-

⁴ Трагедия моя кончена, я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши, и кричал, ай-да Пушкин! ай-да *сукин сын*!

носится с такими словами, как *любодейство* ‘блуд’, *любодей* ‘живущий в незаконной плотской связи’ (устар. *деять* = *делать*). Ср. В. Даль приводит соответствующую номинацию внебрачного ребенка: *любодейчищ* жировой, прогульный, безбрачно-рожденный [Даль II, 1955, с. 283].

Обращает на себя внимание частотность суффикса *-ыш* в названиях внебрачного ребенка: *готóвыш*, *приёбыш*, *приблудыш*, *сколóтыш*, *най-дённыш*, *нагулыш* (вероятно, по образцу *дитённыш*). Этот суффикс вносит определенный оттенок сочувственной ласкательности по отношению к внебрачному дитяти. Ср. употребление этого же суффикса в номинации ребенка, взятого на воспитание: *приёмыш*, диал. *кормлённыш*: *Кормлённыш*-то ласковый вырос. Мухоршибирский район Республики Бурятия [СРГС 2, 2001, с. 117]. Вообще семантика ‘кормления’/‘питания’ могла быть выражена и в номинации бастарда. Так, *воспитанником* или *воспитанницей* называли внебрачных детей дворян.

На появление суффикса *-ёнок* (*суразёнок*, *нахалёнок*) могла повлиять структура лексемы *ребёнок*. Ср. также диалектную номинацию приёмыша: *приведёнок* [СРНГ 31, 1997, с. 115].

Таким образом, мы рассмотрели понятия ‘внебрачный ребенок’ и их лексическую репрезентацию на материале русского языка (с привлечением инославянского фона) как на антропонимическом, так и на апеллятивном уровне. Диалектный русский язык демонстрирует разнообразие мотивационных моделей и многообразие их лексической реализации. Большую часть названий внебрачного ребенка составляют собственно славянские лексемы, хотя отмечаются также и отдельные заимствования (*банкарт*, *байструк* и некоторые другие). Региональная дифференциация названий внебрачного ребенка в русском языке находит отражение в художественной литературе (сибиризм *сураз* у В. Шукшина, донская лексема *нахалёнок* у М. Шолохова).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ.	– английский	архангел.	– архангельский
болг.	– болгарский	бран.	– бранный
витеб.	– витебский	волог.	– вологодский
в-слав.	– восточнославянский	вят.	– вятский
диал.	– диалектный	дон.	– донской
казан.	– казанский	калуж.	– калужский
карел.	– карельский	кубан.	– кубанский

курс.	– курский	макед.	– македонский
москов.	– московский	петербург.	– петербургский
польск.	– польский	простореч.	– просторечный
псков.	– псковский	русск.	– русский
ряз.	– рязанский	серб.	– сербский
сибир.	– сибирский	слав.	– славянский
словац.	– словацкий	словенск.	– словенский
с-рус.	– северорусский	смол.	– смоленский
укр.	– украинский	уменьшит.	– уменьшительный
чешск.	– чешский	ю-рус.	– южнорусский
яроsl.	– ярославский		

Словари

- АОС – *Архангельский областной словарь*, 1999, т. 10: *Готóвыш – Дéло*, Наука, Москва.
- СРГП – Филин Федот П., отв. ред., 1983, *Словарь русских говоров Приамурья*, Наука, Москва.
- СРГС – Фёдоров Александр И., ред., 2001, *Словарь русских говоров Сибири*, т. 2: *К–Н*, Наука, Новосибирск.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, 1965–2010, вып. 1–43, Наука, Москва–Ленинград, Санкт-Петербург.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Даль Владимир, 1955, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. II: *И–О*, т. IV: *Р–V*, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва.
- Долгорукова Екатерина, 2017, *Мой муж – Александр II. Жизнь в тени императора*, Алгоритм, Москва.
- КАБАКОВА Галина И., 2009, *Ребенок внебрачный*, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И. Толстого*, т. 4: *П (Переправа через воду) – С (Сито)*, Международные отношения, Москва, с. 414–415.
- Картотека архангельских говоров филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

- КИТАНОВА Мария, 2015, *Дети с особым статусом в болгарской традиционной семье: анализ номинаций в свете оппозиции „свой – чужой”*, „Научный диалог”, № 9(45), с. 31–52.
- ПОПОВИЧЕВА Ирина В., 2013, *Социально-оценочный компонент в семантической структуре диалектных слов (на примере лексической группы „Ребенок”)*, электронный научно-практический журнал „Филология и литературоведение” № 10, <http://philology.snauka.ru/2013/10/585> (дата обращения: 22.10.2018).
- ФАСМЕР Макс, 1986, *Этимологический словарь русского языка, в четырех томах*, т. II, Прогресс, Москва.
- ШОЛОХОВ Михаил, 1981, *Нахалёнок*, Детская литература, Москва.
- ШУКШИН Василий, 2005, *Миль пардон, мадам! рассказы*, Вагриус, Москва.
- ШУКШИН Василий, 2005, *Шуре шаг, маэстро! рассказы*, Вагриус, Москва.
- BRÜCKNER Aleksander, 1970, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Wiedza Powszechna, Warszawa.
- RECZEK Stefan, 1968, *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków.

Nataliya Ananyeva

NIEKTÓRE NAZWY NIEŚLUBNEGO DZIECKA W JĘZYKU ROSYJSKIM

Streszczenie

W artykule omawiane są nazwy nieślubnego dziecka w języku rosyjskim (zarówno w jego postaci literackiej, jak i gwarowej) na tle ogólnosłowiańskim. Zostały tu przeanalizowane różne i liczne sposoby tworzenia nazwisk dzieci nieślubnych: modyfikacja nazwiska ojca (np. *Бецкой* od *Трубецкой*, *Тёмкин* od *Потёмкин*); tworzenie nazwiska od imienia ojca (np. *Васильев* od *Василий*); tworzenie nazwiska odtoponimicznego (*Бобринский* od *Бобрику*); wymyślone nazwisko (np. *Герцен* od *Herz* ‘serce’); tworzenie nazwiska od imienia przodka matki (np. *Юрьевские* od *Юрий* Долгорукий); tworzenie nazwiska od nazwiska ojca chrzestnego (np. nazwisko słynnego poety *Жуковский*); używanie nazwiska matki (np. realne nazwisko pisarza Kornieja Czukowskiego – *Корнейчуков*). Zauważono także, że na poziomie antroponimicznym nieślubnym dzieciom można było nadawać niezwykle imiona.

Różnorodne są apelatywne nazwy dziecka nieślubnego w dialektach słowiańskich, w tym w gwarach rosyjskich. W artykule na podstawie prac G. Kabakowej, I. Popowiczewej i M. Kitanowej wyodrębniono szereg modeli nazewniczych dla nazw nieślubnego dziecka występujących w językach słowiańskich, szczególnie zaś w języku rosyjskim: ‘nietradycyjne miejsce poczęcia bądź urodzenia dziecka’ (np. *банкарт*, *крапивник*, *заугольник* i in.); ‘znalezienie dziecka’ (np. *найда*, *найдённыи* i in.); ‘odstępstwo od podstawowej linii rozwoju’ (np. *семибатеchnik*, *половинкин*

сын, безотцовщина, сколотыши, сколотяга i in.); ‘przypadkowy charakter urodzenia’ (np. *сураз, суразёнок*); ‘niewłaściwe prowadzenie się matki’ (np. *ублюдок, приёбыш* i in.). Wiele wyrazów nazywających nieślubne dziecko pełni funkcję przekleństwa. Jednak wśród nominacji nieślubnego dziecka są także pewne nazwy o charakterze melioratywnym: nawiązujące do leksemu *Вѣг* (np. *богдан* itp.) oraz *любимчик* (co występuje w gwarach archangielskich).

Rosyjski materiał przytoczony w pracach G. Kabakowej i I. Popowiczewej w niniejszym artykule uzupełniony został modelami nazwisk nadawanych nieślubnym dzieciom oraz takimi gwarowymi rzeczownikami apelatywnymi, jak *сураз, суразёнок, кувь, любимчик, любоделанный, сколотыши, сколотяга, осколоток, готовец, капустаничек*. Zaakcentowano również, iż rosyjskie gwarowe nazwy nieślubnego dziecka występują w niektórych utworach literackich (np. u M. Szolochowa i W. Szukszyna).

THE NOMENCLATURE OF NATURAL CHILDREN IN RUSSIAN

Summary

In this paper the nomenclature of natural children in Russian is analyzed (both in literary and dialect forms) in a Slavonic context. The different types of surnames of natural children are analyzed: the modification of the surname of their fathers (for example *Бецкой* from *Трубецкой, Тёмкин* from *Потёмкин*); the formation from the name of the child's father (for example *Васильев* from *Василий*); the formation of the surname from the toponym (*Бобринский* from *Бобрики*); the invention of the surname (for example *Герцен* from *Herz* ‘the heart’); the formation of the surname from the name of the ancestor of the mother (for example *Юрьевские* from *Юрий Долгорукий*); the formation from the surname of the godfather (for example the surname of the poet *Василий Жуковский*); the usage of the mother's surname (for example *Корнейчуков* – the real surname of the writer *Корней Чуковский*). On the antroponymic level natural children may have unusual names.

They have different appellative names in Slavonic, including Russian dialects. In this paper based on the articles of G. Kabakova and I. Popovicheva the following models of the nomination of the bastards in Slavonic languages, particularly in Russian are proposed: ‘the untraditional place or the conception of the birth’ (for example *банкарт, крапивник, заугольник*.), ‘the finding of the child’ (for example *найда, найдёныш*), ‘deviation from the main line of development’ (for example *семибатеchnik, половинкин сын, безотцовщина, сколотыши, сколотяга* and others), ‘the occasional character of the birth’ (for example *сураз, суразёнок*), ‘the bad behaviour of the mother’ (for example *ублюдок, приёбыш* and others). Many words naming the child are used as swear-words. But among these names there are some words which have positive semantics: those motivated by the word ‘God’ (*богдан* and others) and the word *любимчик* (in the dialects near Archangelsk).

In this article we add information about the names of natural children in Russian dialects in works of G. Kabakova and I. Popovicheva analyzing the models of their surnames in Russian and some appellative names in Russian dialects (for example *сураз, суразёнок, кувь, любимчик, любоделанный, сколотыши, сколотяга, осколоток, готовец, капустничек*). The dialect words describing natural children are used by Russian writers in their works (for example, M. Sholokhov and W. Shukshin).